

**КАЛМЫЦКИЙ НАУЧНО–ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ КАЛМЫЦКОЙ АССР**

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО
МОНГОЛЬСКОЙ ФИЛОЛОГИИ**

**Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1978**

Печатается по решению редакционно-издательского
Совета Калмыцкого НИИЯЛИ.

Ответственный редактор
П.Ш. Биткеев

Исследования по монгольской филологии

Редакционная коллегия : П.Ш. Биткеев (Ответ.
редактор), М.У. Монраев, В.О. Палаев.

Техническая работа по вписыванию транскрипционных зна-
ков выполнена научным сотрудником сектора монголоведения
В.О. Палаевым.

А. Г. С а з ы к и н

О колофоне одного из переводов
ойратского Зая-Пандиты

Перевод "Повести о Чойджид-дагине" с тибетского языка на монгольский, осуществленный в XIII в. ойратским Зая-пандитой, дошел до нас в многочисленных рукописях, написанных как на старомонгольской графике, так на созданном Зая-пандитой ойратском "Ясном письме". В конце XIX в. заяпандитовский перевод повести был издан ксилографическим способом в одном из бурятских дацанов, а в 1908 г. в Петербурге была выпущена также литография ойратского текста "Повести о Чойджид-дагине" в том же переводе¹. При сопоставлении колофонов этих рукописей, а также бурятского ксилографа и литографии повести, единодушно указывающих имена инициатора перевода и переводчика, становятся очевидными, однако, существенные расхождения в отношении писца и переписчика, принимавших участие в работе над переводом "Повести о Чойджид-дагине". Причем расхождения эти весьма последовательны и четко определены в целых группах рукописей, что дает основание говорить о трех, различающихся по количеству упоминаемых участников этого перевода, вариантах колофона.

Полным и, несомненно, наиболее точным, не содержащим каких-либо искажений, является колофон ойратской рукописи повести, имеющей в ойратском варианте заглавие: *Ėrdeni-tü Ėrliq nomiyin xāni zakā zarliq*, которое было впервые полностью приведено в работе Х. Лувсанбалдана, посвященной литературному творчеству ойратского Зая-пандиты²

Ortoᠭoi nisvāniši tebčin dēdū xutuᠭ kereglegči:

Nomloᠬui uxātu čorji Namka Rinčin duradiqsan-du:

Oqtorᠭuyin dalai rab-jam Za-ya pandita orčiulun:

Onomogoi Radna-bhadara samuradun Uran-Xonjin čāsun-du bičibei::

1. В л а д и м и р ц о в Б. Я. Естужительная статья в кн.:

Лауфер Б. Очерк монгольской литературы. Л., 1927, с. XV.

2. Л у в с а н б а л д а н Х. Тод үсэг, түүний дурсгалууд, Улаанбаатар, 1974, с. 294 – 295.

“По напоминанию стремящегося к избавлению от длительной привязанности к внешнему /материальному/ миру и/к достижению /высшей святости ученого цорджи Намхай-ринчина, перевел Оттаргуйин далай рабджам Зая-пандита ; на доске /для письма/ записал Гадна-бхадра , на бумагу переписал Уран - Хонджин”.

Из перечисленных в этом колофоне имен наибольший интерес для нас с точки зрения дифференциации вариантов колофонов повести представляет имя переписчика Уран-Хонджина. Имя этого Уран-Хонджина или “искусного” Хонджина, ойрата по национальности, упоминаемое в колофонах целого ряда переводов Зая-пандиты, в том числе и таких ранних, как “Биография Панчена”, “Пачой”, “Мани гамбум”, встречается еще в написании Уран-Санджи / *Uran-Sanjī* /.¹ Такое искажение написания имени переписчика легко могло произойти при переписке текста повести с рукописи, писанной на старо-монгольской графике, поскольку известно немалое число рукописей, написанных курсивным почерком, в которых инициальные *q* и *ᠰ* практически совершенно неразличимы /на “Ясном письме” *ᠰ* обязательно было бы отмечено диакритическими точками, что исключает возможность какой-либо ошибки/. Но поскольку имя Сонджин в монгольских языках не встречается, тогда как имя Санджи, наоборот, очень широко распространено среди монголов и ойратов², то появление ошибочного написания “Уран-Санджи” вместо “Уран-Хонджин” становится, таким образом, вполне понятным и объяснимым.

Среди известных нам рукописей “Повести о Чойджин-дагине” подобное искаженное написание имени Уран-Хонджина свойственно лишь одной ойратской рукописи, имеющейся в библиотеке Восточного факультета ЛГУ им. А.А.Жданова.³

Такое же ошибочное написание имени переписчика находим в литографии повести, изданной на “Ясном письме” в Петербур-

ге, следовательно, есть все основания считать, что именно эта рукопись, хранящаяся в библиотеке Восточного факультета ЛГУ была использована для подготовки новой редакции повести, которая была в 1908 г. издана литографским способом.

Однако трансформация имен Уран-Хонджина не ограничивается только вышеупомянутым случаем. В ряде рукописей повести, написанных на старо-монгольской графике, а также в бурятском ксилографе¹ на месте имени Уран-Хонджин /или Уран-Санджи/ появляется словосочетание, которое можно прочесть как “уран ясан” или “уран дзасан”. Образование формы “уран ясан” невозможно объяснить ни этимологически, ни на основании графических или орфографических “недоразумений”, но появление подобной формы становится вполне объяснимым, если вместо лексемы “ясан” читать “дзасан”, что не противоречит нормам монгольского письменного языка, поскольку инициальные *у* и *ᠵ* на старо-монгольском письме изображались одним и тем же знаком, что по мнению Д. Кара “является одним из интереснейших “уйгуризмов” монгольской орфографии”.² Главной же причиной такого “загадочного” превращения имени переписчика послужил глагол *samurada* /писать на доске/ производный от существительного *samura* /доска для письма/ монг. письм. *sambur*, *sambar-a*, о котором Д. Кара пишет, что “этот простой, но не зарегистрированный в наших словарях ... глагол /ср. халха-монг. самбардах/ меня также ввел в заблуждение, когда я изучал послесловие заяпандитовского перевода...”.³ Очевидно, что этот глагол ввел в заблуждение не только Д. Кара и, вероятнее всего, глагол *samurada* /написать на доске/, встречающийся в колофоне ойратской версии повести и возникший, по-видимому, в системе ойратского пись-

1. Л у в с а н б а л д а н Х. Тод үсэг, -түүний дурсгалууд. Улаанбаатар, 1974, с. 297.

2. П о з д н е е в. А. М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношением последнего к народу. СПб., 1887, с. 417, 419.

3. *Erliq xāni zakā orošibo.* /Библиотека Восточного факультета ЛГУ, шифр: Са1m, Д - 15 /.

1. См. напр.: Бурятский Институт общественных наук Бурятского филиала СО АН СССР, шифр: КМ - 1237: *ᠰᠣᠶᠢᠵᠢᠳᠠᠭᠢᠨᠢ-ᠶᠢᠨᠲᠤᠵᠤᠵᠢᠨᠣᠷᠣᠰᠢᠪᠠᠢ*. Рукописный отдел ЛО И В, шифр: Q 35, ксилограф: *ᠰᠣᠶᠢᠵᠢᠳᠠᠭᠢᠨᠢ-ᠶᠢᠨᠲᠤᠵᠤᠵᠢᠨᠣᠷᠣᠰᠢᠪᠠᠢ*.

2. Кара Д. Книги монгольских кочевников. М., 1972, с. 45

3. Там же, с. 162.

менного языка¹ и первоначально известный лишь среди ойратов, последующими монгольскими переписчиками был воспринят как существительное, стоящее в дательном-местном падеже и обозначающее орудие писца, т. е. "на доске". Следующее затем слово "уран" означает "искусный" или "искусно" и потому начало последней строки колофона переводится так: "Внимательный Раднабхадра на доске /для письма/ искусно.."; далее по смыслу должен следовать глагол, обозначающий действие, которое Раднабхадра искусно выполнил на этой доске. Здесь необходимо подробнее остановиться на методе работы Зая-пандиты-переводчика, имевшем ту специфическую особенность, что Зая-пандита переводя тибетские сочинения диктовал монгольский перевод, который тут же записывался писцами, причем записывалось это не сразу на бумаге, а прежде на специальных досках для письма с тем, чтобы можно было выправить, откорректировать текст /монг.

ḡasaqu /как раз и переводится как "исправить, откорректировать"/, а затем уж этот исправленный, выверенный текст начисто переписывался на бумаге. В ойратском языке для дифференциации этих видов работы писцов и появился глагол *samurada* и производное от него *samuradaḡi* "писец на доске", как альтернатива термину *biḡeḡi* – "писец на бумаге". Текст "Повести о Чойджид-дагине", написанный на ойратском "Ясном письме", попав затем к монголам, был транскрибирован буквами уйгуро-монгольского алфавита и монгол-переписчик, вероятно, плохо знавший ойратский язык, но отлично представлявший технологию работы книжников той эпохи, встретив незнакомое слово *ḡonjin* или *sanji*, обозначающее, как мы знаем имя переписчика, посчитал, по-видимому, его эквивалентом наиболее подходящему в данном контексте глаголу *ḡasaqu*, которым он и заменил незнакомое слово и, таким образом, последняя строка колофона в окончательном виде стала читаться: "Внимательный Раднабхадра искусно выправив /текст/ на доске /для письма/, переписал /это/ на бумаге", / *Onomḡai Radna-a bhadra sanburida uran ḡasan ḡaḡalsun-dur biḡibe.* / В пользу предложенной нами интерпретации колофона монгольского варианта повести свиде-

глагольная форма *samurada* в различных формах постоянно встречается в колофонах зая-пандитовских переводов и вполне вероятно, что именно Зая-пандита, сделавший очень много для создания оригинальной монгольской терминологии, впервые ввел этот глагол в употребление в своих переводах с тибетского языка.

вести свидетельствует тот факт, что в колофоне обратного перевода с монгольского языка на тибетский, о котором пишет Х. Лувсанбалдан¹, названы только имена зазачика, переводчика и писца – Раднабхадры: имя же Уран-Хонджина не упоминается вовсе.

Известна еще одна редакция зая-пандитовского перевода "Повести о Чойджид-дагине", написанная на уйгуро-монгольском письме и отличающаяся от упомянутой уже первой монгольской редакции дальнейшим развитием "пуристской" тенденции, в значительной мере свойственной уже переводам самого Зая-пандиты, что выразилось в последовательной замене терминов тибетского и санскритского происхождения их монгольскими эквивалентами и, даже в переводе тибетских имен собственных на монгольский язык, а также в стремлении приблизить монгольский письменный язык к нормам живого разговорного языка.² Не остался без изменения и колофон повести, где вместо четырех участников перевода этого сочинения, указанных в колофоне ойратской версии, названы только имена инициатора перевода – Намхай-Гинчина и переводчика – Зая-пандиты:

Umtaḡu nisvānisi tebḡin qoḡosun-i kereḡlegḡi:
Olmoḡai uḡtu ḡorji Nam-ga Rinḡin duraduḡsan-dur:
Oḡtarḡui-yin dalaḡi rabjamba Za-ya bandida oroḡiḡulbai:
ḡḡüni biḡigülḡsēn biḡigēḡi qoḡar degüderel ügei
degedü burḡan-u qutuḡ-i olḡu boltuḡai::

"Гь напоминанию стремящегося к избавлению от длительной привязанности к материальному миру и /к достижению/ небьтия ученого цорджи Намхай-ринчина, перевел Огтаргуй-ин далай рабджам Зая-пандита; да обретут беспрепятственно святость высшего Будды и тот, кто попросил записать, и тот, кто записал это".

1. Л у в с а н б а л д а н Х. Тод үсэг, түүний дурсгалууд, Млаанбаатар, 1975, с. 94.

2. Рукописный отдел ЛОИВ: Nom-un ḡrlig qaqan tamu-yin ḡobalang-un ḡangi ḡakiy-a ilgeḡsen Soyijan(!) dagina-yin ḡakiy-a tuḡujai oroḡiḡulabai. /Шифр: Q1321/;
(ḡoyijid dagini-yin tuḡuji.) /Шифр: Q2588/.

Библиотека Восточного факультета ЛГУ: ḡoyijid dagini-yin tuḡuji oroḡiba. /Шифр: Mong., В-8/

Однако, если можно объяснить "исчезновение" имени Уран-Хонджина из колофона монгольских вариантов повести, то совершенно непонятны причины, побудившие авторов второй редакции опустить также и имя Ратнабхадры, одного из ближайших учеников Зая-пандиты, оставившего нам подробное и достоверное жизнеописание своего учителя.

Итак, перевод "Повести о Чойджид-дагине", осуществленный ойратским Зая-пандитой, дошел до нас в трех вариантах /ойратском и двух монгольских/, колофоны которых отличаются количеством упомянутых участников работы над этим переводом. Наиболее полным из них является колофон ойратского варианта повести и, видимо, две ныне известные ойратские рукописи точнее передают подлинник зая-пандитовского перевода; рукописи же и ксилографическое издание имеющиеся, главным образом, в ленинградских рукописных собраниях, являются позднейшими переложениями. Тем не менее не следует, по-видимому, делать поспешных выводов о письме, на котором первоначально был записан перевод этого сочинения, что важно при установлении датировки перевода; в данной статье рассмотрена лишь взаимопоследовательность и трансформация колофонов в дошедших до нас письменных образцах "Повести о Чойджид-дагине". И как уже отмечалось, имеются достаточно убедительные указания на то, что существовали монгольские рукописи, отличающиеся и по заглавию, и по колофону от рукописей, упоминаемых в настоящей статье.